

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Щербак

**Первый блин комом:
почему не случилась
модернизация
в Древнем Риме?**

Препринт М-98/23

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2023

Щербак А. Н.

- Д32 **Первый блин комом: почему не случилась модернизация в Древнем Риме?** / Андрей Щербак : Препринт М-98/23. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. — 38 с. — (Серия препринтов; М-98/23; Центр исследований модернизации).

Данная работа посвящена изучению развития ранней Римской империи сквозь призму теории модернизации. В работе показывается, что Древний Рим в период с поздней Республики и ранней Империи достиг беспрецедентного уровня экономического развития, который будет достигнут в Европе только в раннее Новое время. Римскому обществу были присущи высокие уровни урбанизации, образования, доходов. Особое внимание в докладе уделено тезису о становлении рыночной экономики в Древнем Риме; дается очерк рынков зерна, земли, труда и капитала. Такая оценка делает опыт ранней Римской империи первым случаем протомодернизации в человеческой истории. Добившись выдающихся успехов в развитии, Древний Рим так и не смог выбраться за пределы «мальтузианской ловушки». При разборе причин и ограничений провала римской протомодернизации основной упор делается как на череду исторических случайностей, так и на структурные проблемы — например, технологическую отсталость.

Информация об авторе: Щербак Андрей Николаевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ, доцент департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург; научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Введение

Для понимания причин успеха европейской модернизации, начавшейся в раннее Новое время, необходимо не только сравнивать случаи успеха, но и внимательно изучить случаи провала. Четкого ответа, почему удалась модернизация стран Северо-Запада Европы, пока нет. Одним из ответов является концепция случайности [Аджемоглу, Робинсон 2015]. Согласно ей, случайная цепь событий и исторических развилок запустила с какого-то момента необратимый процесс перехода от традиции к современности именно в Западной Европе. Случайное развитие могло произойти, но не произошло, скажем, в Западной Азии или Западной Африке; но едва ли это представляет собой интересную загадку. Гораздо более полезным для понимания причин модернизации является изучение тех случаев, когда страны оказывались буквально на пороге модернизации, но тем не менее не смогли перейти этот рубеж. Иными словами, для лучшего понимания причин успешной модернизации важно понять не только, почему модернизация случилась, но и почему она *не случилась* особенно там, где *могла случиться*. Таких историй совсем немного. Очевидным примером является Китай, сравнение Запада с которым стало крайне популярным (например, [Померанц 2017; Allen 2009a]). Ранняя попытка китайской протомодернизации обсуждалась в одной из работ российского экономиста Сергея Васильева [Васильев 2020]. С аналитической точки зрения «великое расхождение» помогает выявить те факторы, которые оказались значимыми для рывка Запада. Отставание Китая в раннее Новое время является своего рода зеркалом для изучения причин взлета Европы. Вероятно, можно к потенциальным кандидатам на модернизацию отнести исламский Восток.

Другим примером, который встречается в литературе, является Древний Рим времен своего расцвета — поздней Республики и ранней

Империи, с I в. до н. э. до конца II в. н. э. Наибольший интерес вызывает тезис о том, что Древний Рим был на пороге индустриализации. Во многом именно эта мысль и подтолкнула автора к написанию настоящего доклада. Насколько близко подошел Древний Рим к модернизации и был ли у него шанс перейти данный рубеж? Что помешало Древнему Риму начать эпоху современности почти на 2000 лет раньше?

О характере древнеримской экономики идут долгие дебаты между условными «примитивистами» и «модернистами». Первые утверждают, что римская экономика мало похожа на современные экономики (т. е. европейские экономики Нового времени), так как она основана на принудительном труде, нерыночных институтах и практиках. Иными словами, это экономика древнего деспотизма. Вторые утверждают, что римская экономика может быть сравнима по разным основаниям с современными: в принципе, римляне создали рыночную экономику с огромным национальным рынком (подробнее см. [Temin 2012: 4–7]). Я склоняюсь ко второй точке зрения.

В такой парадигме Древний Рим оказывается самым ранним в истории кандидатом на старт модернизации. При этом в исторической социологии данной попытке уделяется совершенно недостаточно внимания. Даже Дмитрий Травин свою серию препринтов о начале европейской модернизации начинает с ранних Средних веков, игнорируя Древний Рим в своих трудах [Травин 2010; Травин 2021]. Если римское наследие и рассматривалось исследователями модернизации, то скорее как одна из культурных (возможно, еще и правовых) предтеч европейской модернизации. Рим остался важным центром Западной Европы, но выступал уже исключительно в роли христианской столицы. При этом притягательность Древнего Рима для европейской культуры была бесспорна. Однако я бы предположил, что причины данной притягательности кроются не только в культурном наследии, но и в восприятии Римской империи как примера процветания и богатства.

Одним из ключевых аргументов данного доклада является тезис об уникальных достижениях римлян в экономическом развитии. Если посмотреть на историю Римской империи более внимательно, то окажется, что это лучшее, что происходило в европейской экономической истории до начала европейской модернизации в раннее Новое время. Как будет показано ниже, римлянам удалось построить рыночную экономику, обеспечить экономический рост и достичь невиданного для Древнего мира и Средних веков процветания. Избегая смещения терминов, я буду далее называть этот процесс *протомодернизацией*.

Включение случая Древнего Рима в изучение причин и факторов европейской модернизации позволяет дополнять и ряд важных методологических положений в исторической социологии.

Во-первых, изучение древнеримской протомодернизации сталкивается с рядом ограничений, важнейшее из которых — скудность данных. Столь явная неполнота информации оказывается своего рода испытанием нашей веры в валидность теории модернизации. Об античной экономике и обществе у нас крайне мало достоверных эмпирических фактов, которые бы позволили делать четкие выводы. Это тот случай, когда у исследователя мало данных и много оценок. Поэтому достоверность интерпретаций обеспечивается не с помощью дополнительных эмпирических тестов, а через построение непротиворечивых умозаключений, которые основаны на наиболее конвенциональных положениях экономической теории. С этой точки зрения более уместно использовать работы не специалистов по античной истории, а социальных ученых — экономистов, социологов, демографов, — исследующих античную проблематику через свои дисциплинарные перспективы. Одной из основных таких работ для меня является труд экономиста Питера Темина «Рыночная экономика ранней Римской империи» [Temin 2012].

Во-вторых, невозможно избежать споров о точности оценок всех параметров социального и экономического развития Древнего Рима данного периода. Все рассуждения и оценки основываются на допущении о неточности, но достоверности: вопрос не в том, насколько они близки к истине, а в том, насколько велика их погрешность. Следовательно, любые оценки являются не доказательствами определенных эмпирических тезисов, а служат оправданными точками для теоретических размышлений.

В-третьих, во многом из-за того, что античная история — «вотчина» историков античности и мало интересна специалистам по исторической социологии, существует немало «мифов» о римском обществе и экономике, которые имеет смысл подвергнуть критике. Среди них особенно стоит выделить представления о «рабовладельческом обществе» как отдельной «формации», несовместимой с любой модернизацией.

В-четвертых, представления о ходе и причинах провала древнеримской модернизации позволяют уточнить суть процессов, происходивших в Европе в раннее Новое время. Как будет показано ниже, по многим важным параметрам экономика Древнего Рима была крайне схожа с Нидерландами и Англией XVII в. или даже начала XVIII в. Однако Древнему Риму так и не удалось продвинуться дальше в своем развитии и начать переход к современности. Эпидемии, натиск варваров, несовершенство

политических институтов, технологическая стагнация стали основными причинами провала древнеримской протомодернизации.

Структура работы выглядит следующим образом. В первой части я описываю успехи экономической протомодернизации ранней Римской империи. В частности, отмечаю, что уровень развития Рима на пике могущества был сравним со многими показателями Европы раннего Нового времени. Особое внимание я уделяю становлению рыночной экономики и возможным аргументам об отсталости модели Древнего Рима. Вторая часть посвящена обсуждению причин экономического упадка Римской империи и, соответственно, провалу первой попытки модернизационного рывка. В заключении предлагаются выводы о возможности модернизации древних аграрных империй.

Древний Рим на пороге протомодернизации

Римская империя на пике своего могущества — около 200 г. н. э. — насчитывала не менее 70 млн жителей [Temin 2012: 252], что составляло порядка 25 % всего населения планеты. После окончания гражданских войн при императоре Октавиане Августе начался период долгого мира и политической стабильности (*Pax Romana*), который открыл эру экономического процветания в районе Средиземноморья, главным центром и бенефициаром которого стала Италия. Предпосылки для роста были заложены еще в эпоху поздней Республики, но своего пика экономика Древнего Рима достигла в период ранней Империи, или принципата. Как было уже отмечено, античные данные весьма разрозненные и не позволяют дать точной картины, все показатели будут представлять собой оценки основных экономических параметров. В качестве фона для сравнения используются аналогичные показатели для ведущих европейских стран в раннее Новое время.

Экономическое развитие Древнего Рима в период ранней Империи: общие параметры и достижения

Для оценки уровня экономического процветания Древнего Рима в интересующий меня период я возьму несколько основных показателей: оценка дохода, уровня урбанизации и иные параметры, предлагаемые исследователями (см. Таблицу 1).

**Таблица 1. Сравнение показателей развития
ранней Римской империи и Европы раннего Нового времени**

	Римская империя	Европа раннего Нового времени
<i>% городского населения</i>	Вся империя — 10 % Римская Италия — 30 %	Нидерланды (1600) — 24,3/34,7 %* Нидерланды (1700) — 33,6/38,9 % Англия (1600) — 5,8/9,8 % Англия (1700) — 13,3/16,9 %
<i>Численность городского населения</i>	Вся империя — 7 млн чел. Римская Италия — 2,1 млн чел.	Нидерланды (1600) — 0,52 млн чел. Нидерланды (1700) — 0,74 млн чел. Англия (1600) — 0,43 млн чел. Англия (1700) — 0,88 млн чел.
<i>Численность крупнейшего города</i>	Рим (200) — 1 млн чел.	Лондон (1700) — 575 тыс. чел.
<i>Доход</i>	Вся империя — 1000 долл. Римская Италия — 1400 долл.	Нидерланды (1600) — 1381 долл. Нидерланды (1700) — 2130 долл. Англия (1600) — 974 долл. Англия (1700) — 1250 долл.
<i>«Потребление энергии»</i>	Вся империя (100) — 31 000 калорий/день	Европа (1600) — 29 000 калорий/день Европа (1700) — 32 000 калорий/день

* Обычным шрифтом указаны данные для городов с населением более 10 000 чел., курсивом — более 5000 чел.

Источники данных: городское население — [Щербак 2018], доход — Maddison Database, потребление энергии — [Morris 2013].

Уровень урбанизации. Ключевым значением для оценки уровня урбанизации является оценка численности населения крупнейшего города. Часто этот показатель используется и как индикатор сложности социальной организации конкретного общества [Morris 2013]. Большинство оценок численности самого Древнего Рима сходятся на цифре 1 млн жителей в I и II вв. н. э. По оценкам Йена Морриса, Рим оставался крупнейшим городом Европы и в III–IV вв. н. э. с населением примерно в 800 тыс. человек [Morris 2013: 147]. Превзойти уровень 1 млн человек в Новое время смог только Лондон в начале XIX в., уже после

промышленной революции. О факторах урбанизации в раннее Новое время я писал в одном из предыдущих препринтов [Щербак 2018] — это и снабжение продовольствием, и уровень общественной гигиены, и миграция. Рим был очевидным административным, экономическим, политическим, культурным центром всего Средиземноморья того времени, что притягивало в него множество жителей. Такой огромный размер города говорит о сложной структуре римского общества и развитой системе управления. Рим был привлекателен для миграции, но в то же время это может свидетельствовать и об определенной степени мобильности жителей и способности имперских и городских властей обеспечить людей всем необходимым — в первую очередь продовольствием. Обычно городские жители не производят сами еду; значит, экономика была настолько эффективна, чтобы обеспечивать продовольствием такое большое число едоков, причем собранных в одном месте.

Общий уровень урбанизации всей Римской империи того периода оценивается в 10 %, при этом уровень урбанизации Италии — уже в 30 % [Temin 2012: 252]. При оценке населения Римской империи в 70 млн человек в середине II в. н. э. [Scheidel, Friesen 2009] это почти 7 млн городских жителей. Численность населения Апеннинского полуострова — порядка 10 % от численности всей империи, это тоже дает нам примерно 7 млн жителей; при оценке урбанизации Италии в 30 % — около 2,1 млн горожан, из которых примерно 1 млн жил в Риме. В историческом контексте это беспрецедентные показатели развития. Столь большое число городских жителей должно было быть связанным с развитием городской экономики: торговля, ремесла, сфера услуг. Англия достигла показателя 10 % урбанизации только в XVII в., Италия смогла вернуться к показателю 30 % в XIX в. К началу XVII в. лишь Бельгия и Нидерланды перешли уровень 30 % урбанизации [Щербак 2018]. Отметим, что именно эти страны обладали самыми развитыми экономиками Европы того времени, являясь центрами торговли, ремесел, банковского дела.

Уровень доходов. Для оценки уровня доходов на душу населения необходимы цифры как по населению, так и по национальному доходу. Очевидно, что во времена Древнего мира не было никакого учета национальных счетов. В распоряжении исследователей находятся только обрывочные данные о зарплатах и ценах на некоторые товары. В частности, цены на продовольствие (хлеб) использовались для определения минимальной возможной зарплаты для поддержания организма (*subsistence*). Многие исследователи брали за основу потребление пшеницы в год, на его основе проектировали общее потребление в год на человека и уже

потом пытались рассчитать различные варианты национального дохода с использованием различных допущений и мультипликаторов. Питер Темин предполагает, что доходы в Риме были почти в два раза выше, чем в среднем по империи. При этом, согласно его расчетам, реальные зарплаты в Риме оказывались не сильно выше, чем в Египте. Стоит также упомянуть, что имущественное расслоение должно было быть высоким, равно как и неравенство в доходах и заработках. Одна из популярных оценок предполагает доход на душу населения в 150 г. н. э. по всей Римской империи в 1000 международных долл. 1990 г.¹ с уточнением, что в Италии этот доход достигал 1400 долл. [Lo Cascio, Malanima 2009]. Такую же оценку дает Питер Темин, предлагая 1000 долл. как средний доход на душу населения по всей Римской империи. Согласно таблицам Мэддисона, доход на душу населения в Нидерландах в 1600 г. был 1381 долл., в Англии — 974 долл.; в среднем по Европе в 1600 г. — 906 долл., в 1700 г. — 1028 долл. Для Италии в 1 г. н. э. доход оценивался в 809 долл. Допуская верность данных оценок, приходится признать, что Римская империя на пике своего экономического могущества была схожа по богатству с ведущими европейскими державами раннего Нового времени. Отметим, что именно Англия и Нидерланды спустя всего 100–200 лет совершат модернизационный рывок. Англия достигла того же уровня дохода на душу населения, что и Италия в эпоху принцепата, лишь в течение XVIII в. Ведущим европейским странам удалось догнать Римскую империю по уровню экономического процветания только через 1500 лет. Конечно, характеристики римской экономики весьма условны; оценки дохода европейских экономик раннего Нового времени не намного точнее. Данное сходство говорит как о высоком уровне экономического развития Древнего Рима, так и о его возможном потенциале дальнейшей модернизации Рима.

Для оценки экономического благополучия различных обществ историк Йен Моррис использовал альтернативный показатель — «потребление энергии» (*energy capture*), который измеряется в количестве килокалорий в день на человека [Morris 2013]. Уровень потребления соответствует степени развития общества. Так, общества охотников-собирателей используют около 4000 калорий/день, ранние аграрные общества — более 10 000 калорий/день; постиндустриальные общества новейшего времени — 230 000 калорий/день. Рост потребления энергии отображает рост материального потребления человеком: транспорт, добыча ископаемых,

¹ Речь идет о международных долларах 1990 г. (Geary-Khamis dollars).

развитие сельского хозяйства, промышленное производство [Mortis 2013: 55]. Иными словами, «потребление энергии» — это показатель материального благополучия, измеренный другими средствами. Его смысл заключается в сравнении разных стран и эпох. Для «Запада» (Европы и Ближнего Востока) максимальное значение в 1–100 г. н. э. — 31 000 калорий/день. С 200 г. начинается спад, и этот показатель становится минимальным в 700–900 г. (25 000 калорий/день). Римских значений «Запад» достигает лишь между 1600 и 1700 гг.: рост с 29 000 до 32 000 калорий/день. Эти оценки также указывают на крайнюю близость показателей развития ранней Римской империи и передовых государств Европы раннего Нового времени.

Уровень «индустриализации». Безусловно, Римская империя не достигла индустриализации ни при каких оценках. Однако археологические исследования показывают крайне высокий уровень добычи цветных металлов — меди, свинца и серебра — в период поздней Республики и ранней Империи (150 г. до н. э. — 100 г. н. э.). Изучение осадков, обнаруженных в гренландских льдах, позволяет довольно точно определить масштабы производства тяжелых металлов. Согласно полученным данным, уровень осадков указанных тяжелых металлов времен ранней империи был вновь достигнут в Европе лишь с началом промышленной революции [Hong et al. 1994; De Callataÿ 2005]. Отметим, что все эти металлы используются при производстве монет, что также косвенно свидетельствует о высокой экономической и хозяйственной активности того времени.

Добавим еще и оценку торговой активности в Средиземноморье, которая выявляется археологами на основе зафиксированных и датированных кораблекрушений. Ряд исследователей собрали доступную информацию по кораблекрушениям в Средиземном море с 1000 г. до н. э. по 1500 г. н. э. Пик кораблекрушений приходится на период с 200 г. до н. э. по 200 г. н. э. — примерно 160–170 кораблекрушений за столетие в этот период. Для сравнения: в VI в. зафиксировано всего около 30 крушений, начиная с XI в. — менее 20 крушений в столетие (например, [Wilson 2011]). В Средние века дальняя навигация во многом ограничивалась торговлей предметами роскоши с Левантом; так, торговля Венеции с Востоком оценивается в объеме не более 1000–2000 тонн в год, что соответствует 13,3–26,7 кораблей в год при загрузке корабля в 75 тонн [De Callataÿ 2005: 369].

Ключевой вопрос заключается в том, насколько эти параметры сравнимы для столь разных эпох. Пусть даже многие эти показатели (хотя

и крайне неточные для Древнего мира) выглядят схожими количественно с Европой раннего Нового времени, но в какой мере они отражают качественную схожесть этих экономик? Иными словами, если Древний Рим был столь богатым, становился ли он от этого более современным? На данный вопрос я попытаюсь ответить в следующем разделе, посвященном более качественному описанию древнеримской экономики.

Причины роста

Полученные оценки показывают, что экономика ранней Римской империи достигла впечатляющих результатов, которые оказались крайне схожими с уровнем развития ведущих стран Западной Европы в раннее Новое время. Чем объяснить такое сходство? Как древней аграрной империи удалось достичь практически «современных» результатов? Можно ли предположить, что схожесть результатов имеет под собой схожесть экономических предпосылок?

Я предполагаю, что как минимум ряд предпосылок действительно были схожи в Древнем Риме и Европе Нового времени. К этим предпосылкам я отношу наличие экономического роста, который был в том числе обусловлен становлением рыночной экономики, развитием человеческого капитала, улучшением качества институтов и даже в какой-то мере пусть и сильно ограниченным, но все же технологическим прогрессом.

Для начала имеет смысл обсудить вопрос о том, какова может быть природа экономического роста. Джозель Мокир выделяет с точки зрения причин четыре вида экономического роста [Мокир 2014: 19–23].

Во-первых, это экономический рост за счет инвестиций (увеличение основного капитала). Производительность труда зависит от наличия у работника инструментов труда и оборудования, причем играет роль как их количество, так и качество. Чем больше капитала на одного работника, тем выше будет рост производительности труда и выработки на одного работника и тем выше собственно экономический рост. Возможность инвестиций достигается за счет накопления (и отложенного потребления) [там же: 19–20].

Во-вторых, экономический рост может достигаться за счет коммерческой экспансии. Расширение обмена товарами и услугами способствует более глубокому разделению труда и хозяйственной специализации. Это своего рода торговая выгода. Торговля расцветает там, где снижаются

транзакционные издержки и существуют более-менее защищенные права собственности [там же: 20–21].

В-третьих, экономический рост может достигаться с помощью эффекта масштаба или размера. Высокая численность сама по себе способствует росту спроса на товары и услуги, углублению специализации и дальнейшему разделению труда. Увеличивающаяся сложность экономики дополняется повышением емкости национального рынка. Многие затраты и издержки на инфраструктуру — дороги, каналы, школы, порты и т. д., — являясь постоянными затратами, оказываются экономически оправданными только при большой численности населения [там же: 21–22].

В-четвертых, основой экономического роста может стать накопление большого объема знаний, или собственно технологический прогресс. Постоянное появление технических изменений и инноваций повышает производительность труда, способствует расширению спектра производимых товаров и услуг. Предполагается, что именно технические инновации в наибольшей мере способствуют увеличению производительности труда и, следовательно, экономическому подъему [там же: 22–23].

В той или иной степени все указанные виды экономического роста могут быть применены для объяснения экономического развития ранней Империи, хотя, конечно, в разной степени. На пике своего развития Древний Рим обладал огромным населением — около 70 млн жителей. Успешные войны периода поздней Республики и ранней Империи привели сначала к расширению границ, а потом установлению прочного политического контроля над этими территориями. Средиземное море стало для римлян *mare nostrum* — «внутренним морем». Результатом данной экспансии стало появление *Pax Romana* — «Римского мира», принесшего в данный регион безопасность и политическую стабильность на 150–250 лет. Решительная борьба с пиратством позволила обеспечить безопасность мореплавания в Средиземном море и способствовала росту интенсивности торговли уже в I в. до н. э. [Temin 2006: 148]. При таком размере населения, с учетом беспрецедентного числа жителей в столице империи, были созданы все условия для дальней морской торговли. Вплоть до появления железных дорог торговля морем была намного дешевле и надежнее, чем сухопутная торговля. Безопасность морских коммуникаций была огромным достижением римлян, что благотворно отразилось на экономической активности. В свою очередь, развитие торговли дало толчок специализации регионов, с концентрацией на производстве определенных товаров, позволяя выигрывать на экономии

масштаба. Приведенная выше информация о частоте кораблекрушений свидетельствует в пользу высокой интенсивности торговли в период ранней Империи.

Означает ли расцвет торговли, что в Древнем Риме была рыночная экономика? Последние исследования скорее говорят в пользу этого допущения. Например, Питер Темин, собрав имеющиеся обрывочные данные о торговле зерном в Риме, предположил, что при рыночной экономике цены должны отражать транспортные издержки, а в административной — должны быть фиксированными. Анализ показал, что цены на зерно четко различаются по степени отдаленности от Рима, что свидетельствует в пользу преобладания рыночных механизмов в формировании цен [Temin 2006; Temin 2012]. Скудность и неполнота данных не позволяют исследователям добиться консенсуса по вопросу существования единого рынка зерна во всем Средиземноморье; там, где одни видят единый рынок, другие находят лишь сеть локальных, мало связанных рынков. Тем не менее позиция Темина мне кажется более убедительной: ведь если отклонить гипотезу о наличии единого рынка, то цена на местных рынках не должна зависеть от цены в Риме и никак не должна отражать транспортных издержек. Цена зерна в Риме определяла цену зерна в отдаленных провинциях империи, что подтверждает значимость именно рыночных механизмов, а не государственного регулирования.

Есть все основания полагать, что снабжение Рима зерном было в основном делом рук частных торговцев, а не государственных организаций. Даже с учетом раздачи жителям Рима бесплатного зерна за счет государства (*annona*), в основном Рим снабжался частным бизнесом. Зерно для бесплатных раздач также поставляли частные компании и торговцы [Temin 2012]. Часть налогов, в том числе в римском Египте и Африке, собиралась в натуральной форме (зерном), но преобладали денежные выплаты, за счет которых шла покупка и продажа зерна. Есть оценки, что не более 30 % зерна, импортировавшегося в Рим, предназначалось для бесплатной раздачи, остальное шло на продажу. Нет сомнений в том, что правительство занималось зерновыми интервенциями в случаях неурожая, сбоя поставок, возникновения угрозы голода. Однако это более похоже на антикризисные меры, а не на постоянное регулирование рынка. Государственные интервенции включали не только бесплатную раздачу зерна малоимущим, но часто и денежную компенсацию для оплаты подорожавшего зерна гражданам и субсидирование низкой цены торговцам [Temin 2012: 34–35].

Исторические свидетельства показывают, что купцы использовали разветвленную сеть торговых агентов, торговые кредиты, письменные контракты с применением довольно разнообразных правовых механизмов — и все для решения универсальной для рыночной экономики проблемы асимметрии информации [Temin 2006: 138–139]. Например, одним из стандартных способов гарантии качества товара была отправка запечатанного (и опечатанного) кувшина с образцом зерна в дополнение к письменному описанию груза. Таким образом покупатель мог удостовериться, что полученный груз не отличается от указанного; печати ставились как купцом-отправителем, так и государственным портовым инспектором [Temin 2006: 139]. Асимметрия информации была одной из ключевых проблем в отношениях принципала и агента во все времена. Особенно до появления телеграфа проблемы времени, больших расстояний и доверия были ключевым препятствием для экономических агентов — хоть для римских купцов, хоть для Ост-Индской компании. Авнер Грейф показывает, как в Средние века разные сообщества купцов вырабатывали разные решения схожей проблемы: неформальные институты на основе родственных связей и репутации в случае магрибских купцов и формальные институты на основании письменных контрактов в случае генуэзских [Грейф 2013]. Все способы снижения транзакционных издержек основываются на создании механизмов и институтов по распространению, координации и обмену информацией между заинтересованными акторами [Temin 2012: 99]. Римские торговцы использовали множественные инструменты для решения данной проблемы. Это включало в себя выбор в качестве агентов друзей и родственников, постоянный обмен информацией о (не) добросовестности нанимаемых агентов, создание института репутации, судебные иски, а также формирование различных цеховых организаций. Что в какой-то степени отличает римских купцов от многих других исторических примеров, так это более плотное использование государственных институтов — например, структур, ответственных за раздачу бесплатного зерна [Temin 2012: 99].

По имеющейся информации, римские купцы не были отдельным социальным классом. В торговле зерном могли участвовать сенаторы (самые богатые и влиятельные семейства — примерно 600 семей), всадники (порядка 5000 семейств) и даже многочисленные вольноотпущенники. Сенаторы обычно участвовали в финансировании торговли, предоставляли связи, договаривались о сделках; всадники могли как предоставлять капиталы, так и сами выполнять функции купцов. Вольноотпущенники могли

быть купцами, агентами, посредниками в торговле [Temin 2012: 103]. Примечательно, что столь привлекательная дальняя торговля не была социально закрытой сферой.

Купцы могли действовать как самостоятельно, так и в составе торговых компаний. Функции в таковых компаниях могли различаться: от предоставления капиталов до непосредственного участия в экспедициях. Есть сведения о том, что пайщики проводили регулярные собрания. Как минимум некоторые из таких компаний функционировали по очень схожим образцам, что и голландские и английские торговые компании раннего Нового времени: у них были свои юрлица, отдельные от персоналий своих инвесторов, которые продолжали существовать и после смерти ключевых пайщиков [Temin 2012: 103]. В большинстве компаний, как правило, существовало разделение между собственниками и управляющими, которые назывались *magistri*. Некоторые компании имели представительства в разных провинциях. В офисах они могли держать оригиналы и копии всей деловой документации. Это также свидетельствует о том, что деловая документация концентрировалась в руках не только государства, но и частных лиц, частных компаний. У историков накопился богатый материал о хозяйственной деятельности государств Древнего Востока, но это преимущественно информация, создаваемая и собираемая государственными чиновниками. Как компании, так и отдельные купцы могли делать коммерческие займы под залог успехов будущих операций. При этом ставка таких кредитов не ограничивалась общепринятым 1 % в месяц ввиду более высоких рисков [Temin 2012: 106].

Важнейшим достижением римского государства и общества стало формирование правовой базы, которая защищала купцов от недобросовестных агентов, партнеров и посредников. Различные правовые нормы защищали интересы экономических акторов и гарантировали им справедливые разбирательства, судебную поддержку, выплату компенсаций (при необходимости). Причем существовали как частные судьи, разбиравшие споры между частными лицами, так и публичные суды, в которые могли обращаться с исками и частные, и публичные лица [Temin 2012: 104–105]. По меркам Древнего мира, римское право было одно из наиболее рыночно ориентированных. Именно римляне превратили право в настоящую юридическую науку [Гребер 2021: 197]. Римское государство достигло весьма внушительных успехов в защите прав собственности и принуждении к исполнению контрактов. Во многом это удивительное достижение. Ранние государства обеспечивают своим

жителям безопасность и защиту, собирая с них налоги (часто в форме доли урожая). Легко впасть в крайность — добиться роста налоговых сборов путем принуждения и усиления деспотической власти. Однако если государство сможет наложить на себя самоограничения в виде правовых норм и законов и тем самым удержаться от непомерных сборов с податного населения, то результатом может стать появление условий для роста экономической активности. Так и случилось в поздней Республике и ранней Империи. Сельскохозяйственный налог составлял всего десятину от урожая; оценки для средневековой Европы сходятся примерно на 40 % [Temin 2012: 154]. Доходы римского государства в этот период формировались за счет огромной военной добычи, что позволило отказаться от роста налогов на довольно продолжительный период. Завоевания объединили Средиземноморье под властью Рима, принесли политическую стабильность, римское право и, как следствие, предпосылки для экономического роста.

Становление рыночной экономики в ранней Римской империи было бы невозможно без единого рынка труда. Мог ли появиться рынок труда в условиях Древнего Рима? С одной стороны, кажется очевидным ответ «Нет, не мог» по причине существования «рабовладельческого строя». В таких условиях свободный труд должен быть быстро вытеснен более дешевым, но менее производительным принудительным трудом. С другой стороны, есть определенные основания полагать, что эта точка зрения является крайне упрощенной. Об особенностях рабства и рабовладения в Древнем Риме будет более подробно сказано в следующем разделе; пока коротко можно сказать о сосуществовании рабства и рынка труда в римском обществе. Вопрос рабства во многом упирается в вопрос о форме и практиках рабства и рабовладения.

«Нормальный» рынок труда должен отвечать следующим критериям. Во-первых, как и на любом рынке, все изменения должны определяться балансом спроса и предложения. Иными словами, цена труда должна меняться в зависимости от спроса на труд и предложения труда. Во-вторых, цена труда должна варьироваться в зависимости от степени производительности труда. В-третьих, рынок труда должен обладать определенной гибкостью и мобильностью: у работников должна быть хотя бы ограниченная возможность менять регион или сферу деятельности [Ibid.: 115]. Только при таких условиях можно говорить о появлении *единого* рынка труда, а не совокупности несвязанных местных рынков. При этом необходимо указать на ряд особенностей, общих для практически всех доиндустриальных обществ. Важнейшим из них является ряд

ограничений на мобильность труда. Даже в США и Англии до XIX в. как городские, так и сельские работники не всегда могли свободно покинуть нанимателя без его одобрения [Ibid.: 117]. С этой точки зрения «свободный» и «принудительный» труд — не оппозиция, а континуум. Такой взгляд позволяет допустить нормальное сосуществование рабского и свободного труда с наличием довольно значительной «серой» зоны между ними. Зарплаты являются важным мотивом для смены места и сектора работы, но при наличии ограничений на мобильность труда. В Древнем Риме работники имели право менять место труда по желанию; в период ранней Империи не существовало каких-либо значимых цеховых ограничений [Ibid.: 118]. Свободный труд широко применялся в ремеслах, на шахтах, на галерах, на строительстве. Была распространена как сдельная, так и поденная оплата. Есть свидетельства, что в некоторых случаях применялись аналоги долгосрочных контрактов; такие ситуации нередки наблюдались при найме к сенаторам или всадникам [Ibid.: 118]. Контракты были распространены при найме на шахты, между землевладельцами и арендаторами [Ibid.: 119]. Заключенные контракты довольно четко прописывали риски и обязанности сторон: незначительный ущерб по причине небольших рисков возмещал арендатор, но за большие риски, неподвластные арендатору, — нес ответственность уже землевладелец [Temin 2006: 141]. Развитое сельское хозяйство требовало резкого притока рабочей силы на сезонные работы в больших поместьях, что вполне удовлетворялось за счет найма сезонных свободных рабочих. Городская экономика не столь зависела от сезонности, хотя проекты монументальных зданий привлекали немалое количество свободной рабочей силы.

При этом едва ли можно выделить какие-либо исключительно «рабские» или «свободные» профессии или занятия; личный статус и профессии были не зависели друг от друга. Рабы и свободные могли широко использоваться как в городской, так и в сельской экономике, взаимно дополняя и заменяя друг друга. В римском обществе существовала отдельная масштабная категория вольноотпущенников, перед которой не был закрыт ни один сектор экономики. Стоит особо подчеркнуть, что вольноотпущенники получали статус римского гражданина. В этом смысле рынок труда в Римской империи был довольно инклюзивен и содержал мало запретов на участие представителей низших сословий в экономической деятельности. Количественно на рынке труда преобладали свободные работники, а не рабы. Даже в Римской Италии, где доля рабов была наивысшей в империи (ведь туда стекалась основная

военная добыча), рабы никогда не превышали одной пятой всего населения, а по всей империи — 10 % [Temin 2012: 136]. В абсолютных цифрах это означает, что в Италии число рабов не превышало 1–1,5 млн человек из всего населения примерно в 7 млн жителей.

Отдельные свидетельства единого наличия рынка труда происходят из обрывочных сведений о схожих зарплатах в одинаковых секторах (на шахтах), а также о росте зарплат при резком снижении числа работников, как произошло после Антониновой чумы в 165–175 гг. н. э. в Египте [Ibid.: 118]. Если цена труда растет вследствие шокового падения числа работников, значит цена определялась не административно, а с помощью рыночных механизмов.

Многие свидетельства говорят о том, что жестокость по отношению к рабам сосуществовала с созданием беспрецедентных для рабовладельческих обществ стимулов к повышению производительности труда среди рабов. Например, многие рабы могли получить образование, могли зарабатывать собственные (и охраняемые законом) деньги для последующего выкупа у хозяина, могли занимать высокие управленческие должности и даже владеть другими рабами. Это делало принудительный труд более эффективным. В любом доиндустриальном обществе наблюдались элементы нерыночного принуждения работников, а условия труда могли быть порой весьма ужасными; все это присутствовало и в Древнем Риме.

В определенной мере более значимым различием было не между свободными и рабами, а между образованными и необразованными. По меркам аграрных государств Древний Рим отличался высокой долей городского и грамотного, образованного населения. Образование было обязательным для высших классов, это едва ли удивительно даже в Древнем мире. Однако в Римской империи все более-менее важные управленческие позиции занимались образованными работниками; нормой считалось наличие образования у квалифицированных работников. Обилие письменных записей говорит о том, что участники экономических транзакций были грамотными. Раскопки Помпей указывают на уровень грамотности среди городского населения: политические лозунги, деловые объявления, реклама проституток и даже просто «бессмысленные» граффити [Temin 2006: 147–148]. Даже рабам, особенно городским, было доступно образование. Образованные рабы стоили дороже, но они быстрее могли выкупить себя и достичь положения в обществе. Например, Катон-старший обучал рабов в течение года в своего рода бизнес-школе и потом перепродавал их [Temin 2012: 129]. Образованные работники

получали более высокие зарплаты, т. е. на рынке труда существовала премия за образование. Доступность образования способствовала росту профессиональной и социальной мобильности, повышению производительности труда; иными словами, росту человеческого капитала. В свою очередь, человеческий капитал часто указывается как один из источников экономического роста.

В аграрных империях основным капиталом являлась земля. Тезис о наличии в ранней Империи рыночной экономики был бы неполным без существования рынка земли. Рынок земли не может функционировать без механизмов покупки и продажи земли, пусть даже и с рядом ограничений. Покупка и продажа должны фиксироваться документально, с фиксированием перехода прав собственности. Кроме того, рынок по определению предполагает изменение цен на активы в зависимости от разных факторов, как статических, так и динамических.

Источники указывают на высокую активность на рынке земли и недвижимости, жилой и коммерческой, включая земельные участки, городские дома, виноградники. Интересно, что объекты недвижимости покупались с использованием ипотечных средств, примерно под 12 % годовых [Ibid.: 140]. Римские авторы в своих трактатах давали советы типа: «Землю стоит покупать поблизости», «Лучше заплатить дороже за ценную землю, чем покупать неприглядный кусок, пусть и с той же продуктивностью» (цит. по: [Ibid.: 140]). Эти наставления говорят как о простоте покупки земли, так и о явно рыночной природе обсуждаемых сделок. Другие исторические данные свидетельствуют как о наличии спекуляций на рынке земли и недвижимости, так и о периодах резкого роста и падения цен. Существуют упоминания о кредитном кризисе 33 г. н. э., когда пузырь на рынке недвижимости, вызванный притоком доходов от военной добычи, сначала привел к буму активности и росту цен (в том числе за счет ипотечного кредита), а потом к резкому спаду, требованиям выплаты долга, сжатию кредита, распродаже активов и росту банкротств. Только после вмешательства императора, пообещавшего влить дополнительную ликвидность на рынок, удалось стабилизировать ситуацию и остановить волну банкротств [Ibid.: 141–142].

Не менее важный вопрос заключается в правовом статусе земли. В 111 г. до н. э. был принят закон, согласно которому в Римской Италии значительная часть земли была приватизирована. С этого момента земля могла в массовом порядке становиться частной собственностью — с помощью законных сделок, захвата в результате войн у врагов Рима,

конфискации в рамках проскрипций в эпоху гражданских войн или же самозахвата «ничейной» земли [Ibid.: 144]. Так в Италии появились огромные поместья (*latifundiae*). На завоеванных вне Италии территориях ситуация отличалась. Важно отметить, что римское право довольно четко различало собственность (*dominium*) и держания. В римских провинциях земля использовалась на правах владения, а не собственности. Таким образом, земля там формально принадлежала императору, если не указывалось иное. Например, в некоторых важных колониях использовалось «италийское право» (*ius Italicum*), которое позволяло частную собственность на землю [Ibid.: 147]. Жители подконтрольных провинций платили подушевой налог Риму, а держатели земельных участков — земельный налог. Держатели наделов пользовались землей на основании долгосрочных договоров, земля могла передаваться по наследству при условии продолжения уплаты налогов. При этом держатели могли покупать и продавать участки «государственной» земли на рынке. Имперские власти предоставляли держателям правовую и судебную защиту, помогали урегулировать споры. По сути, основное различие между собственностью и держанием заключалось в уплате налогов: собственники не платили налог казне. По причине довольно компактного имперского бюрократического аппарата сбор налогов осуществлялся частными лицами, откупщиками (*publicani*). Имперские власти вели работу по составлению реестра земельных участков на уровне провинции; они выполнялись в виде бронзовых карт, одна копия которой хранилась в провинции, а другая — отправлялась в Рим [Ibid.: 145]. На основании этих данных и взимался земельный налог, как уже указывалось, в размере 10 % от урожая (часто в натуральной форме) или 1 % от цены всего актива. Собранные налоги отправлялись из провинций в Рим, однако до $\frac{3}{4}$ казна тратила на содержание армии, которая была расположена в провинциях.

Система владения и управления землей, основанная на довольно четких правах собственности и владения, низких налогах и приоритете рыночных механизмов, является, наверное, одним из краеугольных камней процветания римского общества. После краха Западной Римской империи в V в. на долгие века рыночные механизмы распоряжения землей сменяются нерыночными: контроль над землей обеспечивался способностью защитить с оружием свой надел от любых посягательств. Владение землей на условиях собственности и налогообложения трансформировалось во владение на условиях персональной зависимости, что исключало какие-либо рыночные отношения.

Аргумент о наличии рыночной экономики в ранней Римской империи требует дополнения описанием финансовых рынков и институтов того времени. Существовал ли в Древнем Риме рынок капитала и какую роль там играли финансовые посредники? Под такими посредниками понимаются организации и индивиды, которые принимают депозиты, ссужают займы под процент. Ростовщичество как ссуды одних частных лиц другим частным лицам под определенный процент существовало во всех человеческих обществах [Гребер 2021]. Вопрос в том, выполняли ли посредники функции, с одной стороны, аккумуляции сбережений, а с другой — кредитования предпринимателей (или инвестирования в экономику). Довольно часто аграрные экономики просто не нуждаются в сложных схемах финансового посредничества: крупнейшие собственники земли в одном лице являются и держателями сбережений/капитала, и инвесторами в свои же поместья. В римской экономике существовали довольно сложные схемы предоставления финансовых услуг.

Для начала стоит сказать несколько слов о типологии различных источников частного инвестирования. Источники инвестиций могут включать как *долговой* капитал, так и *долевой* капитал. Долговой капитал предполагает несение всех рисков заемщиком, но прибыль кредитора ограничивается заранее оговариваемым процентом; в случае долевого капитала риски и прибыль разделяются между пайщиками. При этом формы этого капитала могут быть разными: внутренние источники (т. е. собственные средства), неформальные внешние источники (займы от родственников и друзей, торговые кредиты / инвестиции информированных участников), финансовые посредники (банковские кредиты / различные акционерные общества), публичные финансовые рынки (выпуск облигаций / выпуск акций) [Темер 2012: 160]. Все указанные источники инвестиции релевантны и сегодня. Вопрос в том, до какого уровня сложности смогли развиваться финансовые услуги в ранней Империи; во многом это показатель того, насколько обезличенными они смогли стать. Иными словами, в какой степени стал доступен кредит римлянам за пределами их малых социальных групп. Если посредник предоставляет кредит незнакомцу, он несет более высокие риски по причине асимметрии информации. Эти риски могут «страховаться» или более высоким процентом, или эффективной системой сбора, обмена информацией о заемщиках, или более совершенной правовой системой, защищающей интересы кредитора. Важную роль играет институт репутаций. В более примитивных обществах преобладает долговой капитал, долевого капитал встречается довольно редко.

Исторические свидетельства указывают на то, что римляне часто прибегали к различного рода финансовым услугам. Они ссужали друг другу деньги, иногда под процент, иногда и без. Стандартной ставкой был 1 % в месяц, или 12 % в год [Temin 2006: 143]. При этом есть свидетельства и об иных размерах ставок — более низких и более высоких. Скорее всего, ставка 12 % в год являлась законодательным максимумом, однако есть свидетельства множественных попыток обойти эту норму — например, с помощью выдачи займов через иностранцев, на которых эти ограничения не распространялись [Ibid.: 144]. Торговые кредиты широко использовались для финансирования морской торговли под более высокую ставку. Купцы и капитаны имели возможность застраховать свой груз.

В Древнем Риме существовали банковские учреждения. Некоторая их часть была основана еще в Греции до ее завоевания римлянами. Наиболее известным центром банковских операций был Делос, где услуги предоставляли как частные банки, так и храм. В самом Риме банковские услуги представлялись многочисленными посредниками (*argentarii*), которые принимали депозиты и выдавали займы. Причем некоторые депозиты были «запечатанными» и по ним не уплачивались проценты, а некоторые — незапечатанными, по ним начислялись проценты. В самом Риме центром предоставления финансовых услуг был Форум, первые упоминания относятся к IV в. до н. э. Банки проводили довольно сложные операции со вкладами, счетами и обязательствами своих клиентов. Статус банкиров был несколько размыт. С одной стороны, они действовали согласно частному римскому праву, а с другой стороны, специального регулирования банкиров и банковской деятельности не было. Хотя банкиры являлись профессионалами, зарабатывавшими на своих посреднических услугах, их деятельность не регулировалась государством (не было лицензий или каких-либо государственных гарантий).

Банкиры участвовали в финансировании торговли; судя по свидетельствам, источником капитала часто были сенаторы, действовавшие через своих агентов-вольнотпущенников [Ibid.: 145]. Некоторые банки специализировались на финансировании публичных аукционов, на которых торговались особо ценные товары: недвижимость, рабы, предметы роскоши, оптовые поставки товаров, крупные госконтракты и т. д. [Temin 2012: 180]. В качестве кредитных учреждений активно действовали храмы, которые получали целевые пожертвования на определенные расходы. Чтобы их осуществлять, целевой капитал должен

был работать — и храмы предоставляли займы под процент. Храмовые банки были распределены по империи, что расширяло географию кредита. Роль храмов как важных узлов финансово-кредитной системы Древнего мира уже подробно описывалась в литературе [Гребер 2021].

В ранней Империи практики выдачи кредитов значительно трансформировались. От устных контрактов между заемщиком и кредитором произошел переход к письменным контрактам (три копии восковых табличек), а далее, по сути, к безналичным кредитам, когда деньги переходили со счета на счет без выдачи их на руки [Temin 2012: 169]. Количество займов было столь многочисленным, что даже римские комментаторы говорили не о частных случаях процентных ставок, а о средних ставках, отмечая их рост или снижение. Есть основания полагать, что банковский кредит — а не только ссуды от друзей и родственников — был доступен даже низшим слоям римского общества [Temin 2012: 171]. Займы использовались как для личного потребления, так и для бизнеса.

Важным источником финансирования торговли и коммерческой активности выступали особые партнерства (*societas*), основываемые несколькими равноправными участниками при условии равного разделения рисков и прибыли. Такие партнерства создавались под конкретные коммерческие предприятия как в государственной, так и в частной сфере. В государственной сфере это могли быть, например, поставки для армии, сбор налогов и податей в провинциях, в частной — финансирование дальней торговли. Формы таких партнерств могли быть достаточно гибкими и позволяли свободный вход и выход новых участников. Хотя данные партнерства не были публичными акционерными обществами, их можно рассматривать как свидетельства использования долевого капитала. Некоторые крупные партнерства воспринимались не только как совокупность физических лиц, но и как отдельные юрлица (*corpora*) [Ibid.: 173].

Хотя превалировали локальные банки, обслуживавшие свой родной город или округу, есть основания полагать, что эти банки довольно активно взаимодействовали между собой [Ibid.: 186]. В Римской империи имелась сеть банков, насчитывавшая сотни посредников. Возможно, существовали отделения крупных банков в провинциях. Финансовые учреждения в Римской империи были взаимосвязаны; кризис в одной провинции приводил к неплатежам по обязательствам в Риме. Скорее всего, это говорит о том, что в Римской империи функционировала система банков-посредников, которая связывала между собой многие — если не все — провинции.

Примечательно, что в период поздней Республики и ранней Империи центральное правительство почти не занимало денег, стараясь обеспечить свои непредвиденные расходы за счет дополнительных налогов и сборов. Римская империя не разработала механизма обеспечения государственного долга путем использования сложных финансовых инструментов.

Полученные данные позволяют сделать вывод о существовании в ранней Римской империи довольно прочной системы финансового посредничества, образующей рынок капитала. Существовало как долговое, так и доленое финансирование коммерческих предприятий. Доступны были внутренние и внешние источники кредита; средства ссужались банками, частными лицами, партнерствами. Список предоставляемых финансовых услуг был весьма обширен и включал (но не ограничивался этим) депозиты, вклады, денежные переводы, переводы со счета на счет, займы, торговые кредиты, поручительства, представление банковских гарантий [Ibid.: 187–188].

Сравнение степени развитости финансовых услуг в ранней Римской империи и Англии XVII–XVIII вв. говорит, скорее, не в пользу Англии. Лондон являлся очевидной финансовой столицей Англии со множеством частных банков, но в провинции доступ к банковским услугам был намного хуже [Ibid.: 188]. Возможно, финансовое посредничество в Древнем Риме было более развито, чем в Голландии и Франции XVIII в. [Ibid.: 188]. С III в. н. э. упоминания о римских банках и финансовых посредниках исчезают. Кризис III в. вызвал всплеск инфляции, который привел к банкротству всего банковского сектора.

Рассмотрение ключевых оценок уровня социально-экономического развития ранней Империи указывает на наличие экономического роста, основной причиной которого было становление рыночной экономики. Было показано, что в Древнем Риме существовали рынки земли, труда и капитала, процветала торговля, углублялась региональная специализация. По многим параметрам римская экономика на пике своего развития в I–II вв. н. э. была сильно схожа с продвинутыми экономиками раннего Нового времени, в том числе Голландии и Англии. Все это позволяет говорить о процессах протомодернизации в ранней Римской империи. Почему же она так и не состоялась? Однако перед тем, как перейти к причинам провала самой ранней попытки модернизации в истории человечества, необходимо рассмотреть два очевидных возражения против тезиса о возможности протомодернизации в Древнем мире.

Контраргументы: отсталость и рабовладение

Сама попытка применить термин «модернизация» для описания античных обществ может казаться как минимум контринтуитивной и анахроничной. Два ключевых контраргумента заключаются в том, что Древний Рим был, во-первых, «древней аграрной империей», что своего рода антоним для понятия «модернизация». Во-вторых, Древний Рим являлся рабовладельческим обществом, а концепт «рабовладельческого строя» предполагает отсталость чуть ли не в прямом смысле — рабовладение предшествует «феодализму» и «капитализму». С этой точки зрения никакой протомодернизации в Древнем Риме не могло быть просто «по определению». Ниже эти возражения будут разобраны более детально.

Тезис о том, что Древний Рим являлся древней аграрной империей и поэтому не мог осуществить модернизацию, с одной стороны, следует считать своего рода метафорой («этого не может быть, потому что этого не может быть никогда»), а с другой — имеет под собой сильные теоретические основания. Аргумент можно свести к тому факту, что Древний Рим являлся обществом «мальтузианской ловушки». В аграрных империях любые улучшения в технологиях и способах хозяйствования в целом ведут лишь к краткосрочному росту дохода, а в долгосрочной перспективе — лишь к росту населения. Таким образом развитие экономики отражалось в увеличении размера экономики, но без роста дохода на душу населения. Иными словами, аграрные империи не знали роста производительности труда и, соответственно, экономического роста; поэтому никакой модернизации быть не могло. Общеизвестно, что современный экономический рост начался лишь в Новое время после промышленной революции; также общеизвестно, что Древний Рим не перешел к *модернизации*. Однако значит ли это, что нельзя говорить о *протомодернизации* в случае ранней Империи? Чтобы ответить на данный вопрос, стоит подробнее разобраться в структуре мальтузианского аргумента.

Во-первых, мальтузианский аргумент говорит о разнице в темпах экономического и демографического роста. Какие бы ни происходили улучшения в экономике, весь дополнительный доход будет утрачен по причине стремительного роста населения: больше ресурсов — больше еды — больше людей. Соответственно, при ухудшении условий существования логика разворачивается в обратную сторону. В такой модели средний доход, как правило, стремится к «уровню выживания» (*subsistence*) и в долгосрочной перспективе не растет. Однако,

как обычно, дьявол в деталях. Уровень выживания в разных экономиках в разные исторические эпохи мог быть разным. Мальтузианский аргумент предполагает, что это неизменный биологический уровень (минимальное число калорий), но он во многом может быть социально и культурно детерминированным: размер жилища, набор инструментов, число домочадцев, особенности традиционной диеты будут сильно различаться по обществам и эпохам. Резкие спады численности населения в результате войн или эпидемий способны сильно изменить соотношение труда и земли, тем самым улучшая условия для существования выживших; могут потребоваться чуть ли не столетия, чтобы ситуация вернулась к мальтузианской «норме». Кроме того, стоит учитывать и региональную вариацию даже в рамках одного общества. В богатых провинциях, богатых городах доход мог быть значительно выше, чем в среднем по стране. Следовательно, даже в мальтузианских обществах мог наблюдаться определенный отход от условного «уровня выживания».

Во-вторых, археологические свидетельства говорят о повышении благосостояния римлян в эпоху ранней Империи: увеличение среднего размера домов, разнообразие предметов домашнего обихода [Temin 2012: 224; Morris 2014]. Есть основания полагать, что в эпоху ранней Империи заметно улучшилось и питание: археологи указывают на рост обилия костей животных в раскопках эпохи ранней Империи [Jongman 2007]. Экономист Роберт Аллен, используя данные о ценах и зарплатах из Эдикта Диоклетиана 301 г. н. э., сравнил уровень реальных зарплат рабочих Рима с зарплатами в крупнейших городах Европы и Азии в раннее Новое время и пришел к выводу о том, что римские зарплаты были на уровне доиндустриальной Европы, уступая лишь Лондону и Амстердаму [Allen 2009b]. Предпосылки экономического роста тоже налицо: территориальная экспансия, прирост населения, интенсификация торговли, географическое разделение труда и даже определенный технологический прогресс, особенно в сельском хозяйстве (например, террасное земледелие, водяные мельницы) и строительстве (арки, акведуки, дороги) [Temin 2012: 223–224]. К слову, Европа раннего Нового времени также находилась в «мальтузианской ловушке» до начала промышленной революции. Хотя в наиболее передовых странах того времени — Нидерландах и Англии — шло бурное развитие ремесел, банковского дела и торговли, — они еще оставались мальтузианскими обществами. При этом реальные зарплаты в Лондоне и Амстердаме росли и были значительно выше, чем в других городах.

В-третьих, мальтузианский аргумент — во многом статический, а не динамический: он предсказывает итоговый результат, а не процесс. Если в экономике происходят определенные улучшения — по причине технологического прогресса, расширения территорий или интенсивной торговли, — то они рано или поздно будут нивелированы ростом населения. Ключевой вопрос в данном случае: как долго будет происходить разрыв между резким улучшением условий жизни и ростом населения, который сведет на нет эти улучшения? На этот вопрос мальтузианский аргумент не дает четкого ответа. Случай Древнего Рима — пример отложенного эффекта. В эпоху поздней Республики стали появляться все предпосылки для экономического роста: *Pax Romana*, рост торговли, региональная специализация, технологические улучшения, урбанизация и др., однако новое равновесие между доходами и демографией было достигнуто далеко не сразу. Данный разрыв между положительными изменениями в экономике и догоняющим ростом численности населения составляет основу экономического роста в ранней Империи в условиях «мальтузианской ловушки». Возможны два потенциальных объяснения природы данного разрыва: а) одномоментный положительный шок (из-за роста торговли, региональной специализации и пр.), который нивелировался за несколько столетий; б) постоянное повышение производительности труда (из-за некоторых технологических улучшений, приращения новых территорий, углубления специализации и пр.), которое было прервано чередой непредвиденных обстоятельств [Ibid.: 236–239]. Сложно сказать, какое из этих объяснений ближе к реальности.

В какой степени рабство и рабовладение были неустрашимым препятствием для римской протомодернизации? Для более ясного понимания роли института рабства в римском обществе необходимо поместить его в сравнительный исторический контекст. Как уже отмечалось выше, роль рабов в экономике Древнего Рима сильно преувеличивалась. Тезис о «выдавливании» рабами свободного труда не подтверждается эмпирически; рабы не составляли большинство рабочей силы даже на пике римской военной экспансии, их было не более 10 % от численности населения империи. В данном случае важнее не оценки численности рабов, а правовой статус рабов и их роль в экономике.

С одной стороны, рабы были полной собственностью хозяина, который мог сделать с ними совершенно все, что ему захочется, — избить, казнить, заставить работать до изнеможения, перепродать или отпустить на волю. Насилие по отношению к рабам было высоким; однако оно, скорее всего, отражало высокий уровень насилия в античных обществах.

В какой-то степени институт рабства был более инклюзивным, чем у древних греков: рабство воспринималось не как уготованная судьбой участь, а как свалившееся «несчастье», от которого со временем можно было избавиться [Гребер 2021: 201]. С другой стороны, у рабов были некоторые признанные законом права и возможности, а сам статус раба не являлся клеймом на всю жизнь. Например, раб имел право выкупить себя у хозяина, для чего ему позволялось копить свои деньги (*peculium*), которые хозяин не мог забрать [Temin 2006: 141]. Раб мог владеть имуществом; есть даже описания случаев, когда рабы владели рабами [Temin 2012: 124]. Отпускание рабов на волю было крайне распространенным явлением в Древнем Риме. Хозяева это делали либо за выкуп от рабов, либо по доброй воле (например, в завещаниях). При этом вольноотпущенники не оставались стигматизированной кастой отверженных: они могли получить статус римского гражданина, имели право заключать брак с гражданами, их дети включались в римское общество на общих основаниях [Temin 2006: 142]. Они часто сохраняли связи со своими хозяевами, оставаясь их агентами и клиентами. Описываются случаи, когда свободные добровольно отдавали себя в рабство влиятельным хозяевам, чтобы со временем завязать полезные знакомства и выкупить себя уже в качестве влиятельного предпринимателя со связями [Temin 2012: 199]. У рабов, особенно городских, был доступ к образованию и грамотности, они могли повышать свои профессиональные навыки. Часто рабы занимали весьма ответственные позиции в бизнесе и управлении, что говорит об уровне доверия к ним со стороны своих хозяев. Подобные социальные и правовые нормы давали многим рабам веские стимулы подходить к своим навязанным трудовым обязанностям с усердием и трудолюбием, что не так сильно их отличало от свободных работников. Тем самым устраняется аргумент о несовместимости принудительного труда и модернизации.

В литературе приводится много сравнений положения рабов в Древнем Риме и африканских рабов в южных штатах США в раннее Новое время; эти сравнения не в пользу США. Например, уровень отпускания рабов на волю в Риме составлял примерно 10 % каждые пять лет; на Юге США — только 0,2 % за такой же период. Данные переписи населения в Римском Египте не содержат сведений о мужчинах-рабах старше 32 лет, что скорее свидетельствует об уровне выдачи вольных, чем о смертности среди рабов. Женщины-рабыни получали вольную после рождения троих детей. Огромный приток рабов с началом масштабных римских завоеваний «компенсировался» высокими темпами

отпускания на волю. После окончания эпохи расширения империи и притока рабов-военнопленных основным источником стали рабы, рожденные в неволе. Получение свободы рабом было вполне ожидаемым событием в Древнем Риме, но малореальным в США. В Риме для освобождения достаточно было воли хозяина, в США требовалось подтверждение решением суда. Римские рабы имели доступ к образованию, в южных штатах он был криминализован. Американские рабы не имели права копить деньги на собственный выкуп. Вольноотпущенные в США не имели возможности интегрироваться в американское общество; после Гражданской войны рабство довольно быстро сменилось расовой сегрегацией [Ibid.: 123–128]. При таком сравнении римский «рабовладельческий строй» оказывается гораздо более инклюзивным обществом, чем многие западные общества раннего Нового времени. Рабский труд не обесценивал стоимость свободного труда, как было показано ранее, реальные зарплаты в городах не сильно зависели от демпинга со стороны рабов. Принудительный труд в разных формах сохранился в Европе и Америке до второй половины XIX в., уже существуя с промышленной революцией; едва ли античное рабство могло стать неустранимым препятствием для экономического роста.

У Древнего Рима эпохи ранней Империи были все признаки протомодернизации. Несмотря на ограничения «мальтузианской ловушки», экономика росла. Ядро государства представляло собой урбанизированное, образованное общество в Римской Италии. Причинами экономического роста были расцвет торговли в Средиземноморье, региональная специализация, рост городов, определенные технологические улучшения — в условиях политической стабильности, доминирования римского права, развития рынка финансовых услуг и развития транспортно-инфраструктуры. Как было указано выше, рабство не являлось фатальным препятствием для дальнейшего развития. По большинству показателей уровень развития ранней Империи был схож с показателями развития передовых европейских стран XVII–XVIII вв. Так почему же Древний Рим так и не вышел из «мальтузианской ловушки»?

Причины провала римской протомодернизации

Расцвет Римской империи пришелся на I–II вв. н. э. Уже с конца II в. н. э. империя вступает в череду экономических, политических и социальных кризисов, от которой ей уже не удалось оправиться. Все

основные показатели начинают ухудшаться, расцвет экономики сменяется упадком. Установление режима домината стабилизирует Римскую империю на столетие, но уже ни о какой протомодернизации речи не идет. Оценки доходов более низкие, интенсивность торговли падает, выплавка металлов снижается. С III в. н. э. практически исчезают сведения об активности финансовых посредников, что может свидетельствовать о сворачивании их деятельности; скорее всего, их сгубила высокая инфляция во второй половине II в. н. э. [Temin 2012: 187].

Основные причины провала римской протомодернизации можно разделить на исторические и структурные.

Первым звеном в цепи *исторических* событий, остановивших развитие ранней Римской империи, стоит назвать Антонинову чуму — крупнейшую эпидемию (вероятнее всего, оспы), длившуюся с 165 по 175 г. н. э. и унесшую до трети населения империи, по крайней мере в некоторых провинциях. Помимо собственно демографического удара по государству, эпидемия нанесла огромный ущерб экономике. Снижение числа работников привело к падению доходов казны от сбора налогов. В связи с нехваткой рабочих рук выросли цены и зарплаты. По этой причине увеличились расходы на содержание армии. Государство решило возместить упавшие доходы с помощью порчи монеты, снижая долю драгоценных металлов. Ожидаемым итогом стала невиданная на протяжении чуть ли не столетий высокая инфляция, цены выросли почти в два раза [Ibid.: 84–88]. Согласно некоторым данным, на протяжении 150 лет цена на пшеницу увеличилась примерно в 200 раз [Ibid.: 77]. Закончилась эпоха стабильных цен и низкой инфляции, наступил период финансовой нестабильности — инфляция, постоянная порча монеты, сворачивание финансового посредничества. По сути, Антонинова чума и вызванная ею инфляция уничтожили рынок капитала в Римской империи. Финансовая нестабильность шла рука об руку с политической нестабильностью. Внутренние неурядицы, постоянная смена императоров требовали роста расходов на армию. Например, многие претенденты устраивали чуть ли не открытые «аукционы» среди преторианцев, пытаясь в прямом смысле купить их поддержку в своей борьбе за престол [Голдсуорти 2014]. В такой ситуации, когда императорам и их противникам требовались немедленно крупные суммы наличных, приходилось еще больше полагаться на порчу монеты и тем самым поддерживать рост цен и расходов. С этой точки зрения, высокая инфляция отражала не только внешний шок — эпидемию, но и накопленные политические дисбалансы.

Демографический спад привел к трудностям набора в армию. Численность войск на границах империи сократилась, что позволило многим варварам совершать опасные набеги на близлежащие провинции. Нападения в итоге удалось отбить, но военный престиж Рима оказался поколеблен.

Антонинова чума совпадает с началом эпохи политической нестабильности. После смерти императора Марка Аврелия в 180 г. н. э. на трон восходит его молодой сын, Коммод. Он правил примерно 12 лет, с него началась череда неэффективных правителей. Коммод был убит в результате заговора в 192 г., что дало толчок к гражданской войне 193–197 гг. По ее итогам императором был провозглашен император Септимий Север, давший начало династии Северов (193–235 гг.). Правление этой династии сопровождалось заговорами, неурядицами и потрясениями. Своего апогея политическая турбулентность достигла в III в. — так называемый кризис III в., когда за 50 лет сменилось примерно несколько десятков императоров. Данный период сопровождался мятежами в провинциях, нашествиями варваров, потерей контроля над рядом территорий. Римляне ушли из Северного Причерноморья, на несколько лет был потерян контроль над Галльской империей и Пальмирской империей, которые перешли под власть мятежных полководцев. Внутренняя слабость империи позволила варварам совершать многочисленные набеги — даже на территорию самой Италии и Южной Испании. Кризис закончился только в конце III в., с приходом к власти императора Диоклетиана и установлением режима домината. Империя стабилизировалась, но не восстановилась. Усилилась роль армии как основной опоры власти императора, что отразилось на экономических приоритетах правящих групп. Во главу угла становилась задача содержать армию, обеспечивая ее всем необходимым, в том числе достойными зарплатами. Непосредственными итогами такой политики стали рост налогового бремени, дальнейшая порча монеты и инфляция. Далее — переход от денежных сборов к натуральным, произвольные реквизиции зерна и скота в пользу армии и императора. Имперские власти все более и более вмешивались в хозяйственные дела, усиливая контроль и регулирование. Все это привело к смене низких налогов, свободы торговли, защиты римского права и безопасности коммуникаций. Поздняя Римская империя уже мало отличалась от обычных аграрных деспотий.

Есть множество свидетельств экономического упадка: запустение городов, появление более мощных укреплений, снижение торговой активности, упадок сельского хозяйства, высокая инфляция. К концу III в.

каждый более-менее значительный город обзавелся стенами — столь высока была опасность набегов. Подобные укрепления занимали меньшую площадь, чем ранее. Многие крестьянские фермы были заброшены, сельские поселения оставлены, во многих провинциях оставшиеся размещались на холмах, где могли лучше выдержать осаду под защитой укреплений [Голдсуорти 2014: 185–186]. Ни о какой протомодернизации с III в. уже речи идти не может.

Кризис III в. можно отнести как к историческим причинам, так и к структурным предпосылкам. Римским элитам не удалось создать эффективного институционального механизма передачи власти законным путем. Римские политические и государственные институты оказались бессильны для ограничения посредственных, порочных императоров.

Продолжая рассуждать именно о *структурных* причинах провала римской протомодернизации, стоит в первую очередь упомянуть технологическую стагнацию. Хотя римляне добились определенного технического прогресса, особенно в строительстве и сельском хозяйстве, в целом темп появления инноваций был крайне медленным. С одной стороны, был низкий спрос на инновации со стороны как государства, так и частного сектора. Имперская власть поощряла развитие технологий только в тех областях, в которых у нее был свой интерес, — например, городская инфраструктура и монументальное строительство [Мокир 2014: 44]. Полезные, но случайные изобретения никак не находили своего коммерческого применения в хозяйстве. Например, Герон Александрийский, живший в I в. н. э., изобрел эолипил (паровую машину для открывания храмовых дверей), многие его изобретения использовались только для развлечения [там же: 48].

С другой стороны, римляне так и не дошли до крайне полезных изобретений — печатного пресса, бумаги, удобных чисел (в том числе нуля), компаса, пороха и пр. В целом технологическая креативность в античном мире оценивается как довольно низкая [там же: 313]. В Древнем Риме отсутствовала культура изобретательства и открытий, различные технические мыслители и инженеры были довольно малочисленны. Правда, есть мнение, что римляне достигали поразительных успехов в тех областях, в которых были сильно заинтересованы; налицо успехи в строительстве и пробелы в изобретении машин [там же: 44]. Типичный римский аристократ был хорошо образован, но он скорее тяготел к философии, чем к инженерному делу и технике [там же: 310–311]. Возможно, что многое объясняется имперской централизацией — центральные власти мало уделяли внимания поощрению инноваций, а к

заимствованию из других стран не проявляли совсем никакого интереса [там же: 315].

Иногда высказывается тезис о пагубной роли рабского труда в отношении необходимости поиска трудосберегающих изобретений [там же: 308]. Выше этот аргумент уже частично разбирался. Во-первых, в крупных городах, особенно в Риме, труд стоил весьма дорого. Во-вторых, рабство не было основным источником рабочей силы. В-третьих, принудительный труд существовал и в государствах раннего Нового времени и не сильно мешал процессам экономической трансформации.

Экономист Роберт Аллен, объясняя, почему промышленная революция произошла именно в Англии, указывает на два ключевых фактора: высокие зарплаты и низкая стоимость энергии (в случае Англии — угля). Начало промышленной революции было положено не в Голландии, не в Лондоне, а на севере Англии, где был доступен дешевый уголь, который можно было использовать для получения энергии пара [Allen 2011]. С этой точки зрения, у римлян был дорогой труд, но не было географически близких и дешевых источников угля. Хотя римляне добывали в небольших объемах уголь, их экономика опиралась на энергию ветра, воды и солнца.

В определенной степени можно говорить о влиянии идей на провал протомодернизации. Как писал Овидий в «Метаморфозах», «первым был век золотой» — античные общества мало ориентировались на идеи прогресса и развития. Преобладал ориентир на «старое доброе» прошлое, традицию, власть авторитетов. В этом смысле, несмотря на свои успехи в экономическом развитии, вкладе в становление права, успехах в некоторых науках, Древний Рим оставался аграрным, традиционным и консервативным обществом. Такие общества редко стремятся к поиску нового, поощряя первопроходцев и изобретателей; они скорее ценят сохранение статус-кво. Особенно период поздней Империи гораздо более похож на сохранение хотя бы части прежнего мира, чем на поиск нового.

Цепь неблагоприятных исторических событий обнажила и усугубила негативный эффект структурных ограничений перспектив протомодернизации Древнего Рима. Впечатляющие успехи в экономическом развитии ранней Империи были сведены на нет политической нестабильностью, которая ослабила границы империи, расстроила денежное обращение и, по сути, погубила национальный рынок и саму рыночную экономику. Эпоха поздней Республики открыла для Древнего Рима «окно возможностей» протомодернизации, которое длилось примерно 150–250 лет. По многим показателям эпоха ранней Римской империи — это было

лучшее, что случилось в экономике в той части мира до раннего Нового времени. Только с возвышением ряда государств в Северо-Западной Европе, в первую очередь Англии и Голландии, удалось превзойти уровень развития Древнего Рима на рубежах XVII–XVIII вв.

Заключение

Ранняя Римская империя представляет пример первой в истории попытки протомодернизации. Древнему Риму в промежутке между I в. до н. э. и II в. н. э. удалось облегчить бремя «мальтузианской ловушки» и добиться одновременно и роста населения, и роста доходов. Экономический рост был достигнут за счет интенсивной торговли на основе региональной специализации, огромного национального рынка и ограниченного технического прогресса. Этому способствовали низкие налоги, римские законы, высокий уровень грамотности. Древний Рим на пике своего расцвета является исторически беспрецедентным примером городского и образованного общества, чего цивилизация не сможет добиться еще более тысячи лет. Только к началу Нового времени в XVI–XVIII вв. европейским обществам удастся превзойти Римскую империю по большинству экономических показателей. Однако кризис III в. ознаменовал закрытие «окна возможностей» и сделал Римскую империю периода принципата обыкновенной аграрной деспотией.

Как я уже отмечал в самом начале, в споре «примитивистов» и «модернистов» мои симпатии явно на стороне последних. Мне кажется, что у Древнего Рима был гипотетический, пусть и ничтожный, шанс выбраться из «мальтузианской ловушки». Не вдаваясь в дебри альтернативной истории, хочется отметить, что данный пример указывает нам на важность ряда обстоятельств, ранее уже обсуждавшихся в литературе. Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон подчеркивают важность правильных институтов [Аджемоглу, Робинсон 2015] и видят идеал в республиканском устройстве, считая, что переход к периоду принципата — это уже начало конца [там же: 191–192]. Историк Джон Гэддис больше видел идеал в правлении Августа, который сознательно культивировал основные римские институты [Гэддис 2021: 112–114]. Отход от «идеала» ведет к негативному отбору институтов и правителей; в конечном счете падение Рима связано не с экономической стагнацией, а с нарастанием внутри- и внешнеполитических проблем. Институциональный упадок сделал Рим легкой добычей для многочисленных варваров.

Протомодернизация ранней Римской империи представляет собой яркий пример роли случайностей в истории. Хотя интенсивность торговли, передвижения войск достигла определенной частоты, тем самым повышая риск занесения опасных болезней, однако эпидемии такого масштаба, как Антонинова чума, носят все же крайне редкий характер. Аджемоглу и Робинсон пишут о «Черной смерти» XIV в. в Западной Европе как отправной точке для запуска европейской модернизации; для Римской империи такая эпидемия оказалась началом конца «золотого века». Авторитарная власть в древних аграрных империях не обязана быть всегда мудрой, однако череда неэффективных и порой откровенно дурных правителей не всегда должна быть столь долгой. К концу II в. н. э. Древний Рим явно столкнулся со структурными ограничениями модели роста в рамках аграрной империи, но все же до какой-то степени ему не повезло — эпидемия и дурное правление ускорили все негативные процессы.

На примере Древнего Рима можно также наблюдать проблему «зависимости гегемона», которая проявляется в нежелании делать заимствования у других крупных держав. Римляне подчинили себе огромную территорию, почти всю «ойкумену», за пределами их сферы влияния из крупных государств остались, по сути, лишь Индия и Китай, с которыми у них были торговые отношения. Однако торговля с Востоком не побудила римлян искать выгодных заимствований (например, бумага и компас были изобретены в Китае примерно в начале новой эры). Если европейцы раннего Нового времени стремились заимствовать как можно больше изобретений Востока, не видя в этом ничего «засорного» [Голдстоун 2014], то в случае Рима — иная картина: римляне ощущали себя гегемоном и не стремились подражать кому-либо. Модернизация же редко случается без оглядки на соседа (он же конкурент или противник), которого хочется превзойти.

Следующие очаги модернизации появятся на территории Европы более чем через 1000 лет после падения Западной Римской империи. Сначала города Северной Италии, а потом государства Северо-Западной Европы достигнут схожих показателей урбанизации, образования, доходов. В Голландии и Англии будут развиваться торговля, финансовое посредничество, ремесла; будут снаряжаться экспедиции для открытия и захвата новых территорий. Вновь появятся городские образованные слои, которые станут движущей силой преобразований в экономике, науке, технике и политике. Это произойдет уже в иных политических условиях, с иными институтами, которые окажутся более эффективными

для ограничения «дурного» правления. Передовые европейские государства догонят Древний Рим времен расцвета лишь в XVII–XVIII вв. и смогут превзойти его с началом промышленной революции. После этого Рим станет ассоциироваться со своим культурным и историческим наследием, но никак не с достижениями в области экономики. Как говорили римляне, *Paulatim summa petuntur* — «Не сразу достигаются вершины».

Литература

Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.

Васильев С. Ранняя модернизация в Китае в эпоху Сун // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3. С. 130–156.

Голдстоун Д. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории. М.: Издательство Института Гайдара, 2014.

Голдсуорти А. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи. М.: АСТ, 2014.

Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ad Marginem, 2015.

Грейф А. Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли. М.: Издательский дом ВШЭ, 2013.

Гэддис Дж. О большой стратегии. М.: Издательство Института Гайдара, 2021.

Мокир Дж. Рычаги богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Издательство Института Гайдара, 2014.

Померанц К. Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики. М.: Дело, 2017.

Травин Д. У истоков модернизации: Россия на европейском фоне. Препринт М-19/10. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/M_center/preprint_Dmitrii_Travin.pdf.

Травин Д. Почему Россия отстала? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.

Щербак А. Парадоксы европейской урбанизации в раннее Новое время (1500–1800 гг.): структурный подход. Препринт М-66/18. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018; URL: https://eu.spb.ru/images/M_center/M_66_18.pdf.

Allen R. Agricultural productivity and rural incomes in England and the Yangtze Delta, c. 1620 — c. 1820 // *The Economic History Review*. 2009a. No. 62 (3). P. 525–550.

Allen R. How prosperous were the Romans? Evidence from Diocletian's price edict (AD 301) // *Quantifying the Roman economy: Methods and problems* / eds. A. Bowman, A. Wilson 2009b. No. 1. P. 327–345.

Allen R. The British industrial revolution in global perspective // *Proceedings of the British Academy*. 2011. Vol. 167. P. 199–225.

De Callatay F. The Graeco-Roman economy in the super long-run: lead, copper, and shipwrecks // *Journal of Roman Archaeology*. 2005. No. 18. P. 361–372.

Hong S., Candelone J., Patterson C., Boutron C. Greenland ice evidence of hemispheric lead pollution two millennia ago by Greek and Roman civilizations // *Science*. 1994. No. 265 (5180). P. 1841–1843.

Jongman W. Gibbon was right: the decline and fall of the Roman economy // *Crises and the Roman Empire. Proceedings of the Seventh Workshop of the International Network Impact of Empire (Nijmegen, June 20–24, 2006)* / eds. O. Hekster, G. de Kleijn, D. Slootjes. Leiden, Boston: Brill, 2007. P. 183–200.

Lo Cascio E., Malanima P. GDP in pre-modern agrarian economies (1–1820 AD). A revision of the estimates // *Rivista di storia economica*. 2009. No. 25 (3). P. 391–420.

Morris I. *The Measure of Civilization: How Social Development Decides the Fate of Nations*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2013.

Scheidel W., Friesen S. The Size of the Economy and the Distribution of Income in the Roman Empire // *The Journal of Roman Studies*. 2009. No. 99. P. 61–91.

Temin P. The economy of the early Roman Empire // *Journal of Economic Perspectives*. 2006. No. 20 (1). P. 133–151.

Temin P. *The Roman Market Economy*. Princeton: Princeton University Press, 2012.

The Maddison Database — <http://www.ggd.net/maddison/oriindex.htm> (дата доступа: 03.04.2023)

Wilson A. Developments in Mediterranean shipping and maritime trade from the Hellenistic period to AD 1000 // *Maritime archaeology and ancient trade in the Mediterranean* / eds. D. Robinson, A. Wilson. Oxford: Oxford Centre for Maritime Archaeology, 2011. P. 33–60.

Андрей Николаевич Щербак

**Первый блин комом:
почему не случилась модернизация
в Древнем Риме?**

Препринт М-98/23

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 14.04.2023.
Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.

